

ЮРИЙ РЫТХЭУ

ИЗБРАННОЕ

Annotation

Во второй том избранных произведений Ю.С. Рытхэу вошли широкоизвестные повести и рассказы писателя, а также очерки, объединенные названием "Под сенью волшебной горы", - книга путешествий и размышлений писателя о судьбе народов Севера, об истории развития его культуры, о связях прошлого и настоящего в жизни советской Чукотки.

•

Кэвэв шел, с трудом вытаскивая ноги из рыхлого снега. Позади оставался кривой след — беспощадное свидетельство возраста человека. Лет двадцать назад цепочка снежных ямок от ног казалась вычерченной по длинной ровной линейке на розовом снегу. Кривая линия следов напоминала Кэвэву о том, что ему пора провести склад погребальных дров, укрытый над таежным озерком в потаенном месте. Свой дровяной запас старик держал в секрете, о нем не знала даже жена. С годами дерево стало сухим, березовые поленицы потемнели...

Кэвэв присел отдохнуть.

Как прекрасна тайга! Даже такая редкая и мелкая, как здесь, на самой границе тундры. И деревья похожи на северных людей — коренастые, крепко держащиеся за землю. Попробуй выкорчуй вон ту иву! Придется перевернуть всю землю, долбить ломом вечную мерзлоту.

Кэвэв встал и зашагал дальше, стараясь аккуратно ставить ногу, чтобы не провалиться в снег. Он глубоко вдыхал свежий воздух, и легкая боль в груди была сладостной. Свежесть, верил старик, разглаживает морщины в легких, отслаивает выросший за многие десятилетия черный табачный налет.

Неожиданно в воздухе почуялось что-то новое, необычное, странное. Кэвэв приостановился, прислушался.

Так он делал всякий раз, когда в таежных дебрях что-то настораживало его. Словно внутри существовал какой-то второй

человек, который всегда был начеку, чуткий, как тугая тетива лука.

В те годы, когда Кэвэв еще охотился в тайге, этот умный двойник работал круглые сутки, приносил ему славу лучшего добытчика пушнины. И теперь, когда Кэвэв почувствовал запах дыма, услышал людские голоса, увидел высокое пламя, он догадался о случившемся, и силы покинули его. Он свалился возле разоренной поленницы.

Подбежали люди, подняли старика и понесли к огню.

Кэвэв отбивался, рвался, но люди были сильные и крепкие.

— Дедушка, да ты что? — удивленно кричал самый большой, в собачьей меховой шапке. — Что ты брыкаешься? Чего ты боишься? У-у, дикий какой!

— Сама ты дикий! — закричал ему в лицо Кэвэв. — Дикий и дурной человек. Взяли мои дрова! Жаловаться буду в Москву! Бумагу напишу!

— Пиши, пиши, — ласково сказал большой, усаживая старика на проталину от огня. — Жадность свою покажи Москве.

Кэвэв увидел близко от себя высокое, чистое, чуть синеватое сильное пламя и над ним, над этим священным огнем, большое закопченное ведро с клокотавшим варевом. Это было кощунство.

— Зачем так обидели? — выкрикивал старик сквозь слезы. — Почему взяли? Сколько дров вокруг — вали да руби...

Высокий парень присел рядом.

— Извини, старик, — сказал он взволнованно. — Не знали, что это твои дрова. Завтра утром нарубим... Ребята устали. В наледь попали, промокли. Надо было обсушиться. А тут — дровяной склад. Вернем дровишки, не сердись.

Кэвэв вдруг понял, что до этого высокого парня не доходит самое главное

— какие дрова он сжег, на каком огне варит суп в закопченном ведре.

— Не простые это дрова, — всхлипнув, сказал Кэвэв.

— Знаю, — отозвался высокий парень, сдвигая собачью шапку на затылок.

— Таких дровишек поискать. Может, деньги заплатить?

— Да что я, на деньгах твоих буду гореть? — с болью воскликнул старик.

— Не понимаю, — сказал высокий парень, виновато улыбаясь.

— Понимать нечего! — ответил Кэвэв. — Когда помру — на чем буду гореть? Сожгли мои погребальные дрова!

Он мечтал: огонь будет жарким, высоким и бесцветным. Это будет хорошее пламя — свидетельство хорошо прожитой жизни...

— Извини, дед. Если бы мы знали... Как же так получилось? Игнат!

На зов прибежал молоденький паренек. Он держал в руке дымящийся котелок с гречневой кашей, заправленной колбасным фаршем. Содержимое котелка Кэвэв безошибочно определил по запаху.

— Кто дал распоряжение взять эти дрова? — спросил высокий.

— Вы, товарищ Петров, — быстро ответил Игнат. Петров опустил голову.

— Верно, я распорядился. — Он повернулся к старику. — Один я виноват. Можешь меня наказывать как хочешь.

— Как я тебя могу наказать?

Понемногу к Кэвэву возвращалось спокойствие. Священные дрова, конечно, сожгли не из озорства, а по необходимости. Да и откуда этим русским знать древний их обычай.

— Мы тебе нарубим новых дров, — пообещал Петров. — Не сердись, старик. Поужинай с нами.

Кэвэву подали большую алюминиевую ложку. Когда в тайге предлагают еду

— грех отказываться. Он принялся за кашу, черпая ее из общей миски.

Костер пылал, кое-где дрова уже прогорели, и синий пепел вздрагивал от мощного потока теплого воздуха.

— Я знаю, как хоронили в старину чукчи, и эскимосы, и коряки... А вот такое — впервые мне попадается, — заметил Петров.

— А я из старинного рода кереков, — заговорил Кэвэв, — мы давно смешались с чукчами и коряками. Только речью отличались да некоторыми обрядами. И покойников хоронили по-своему. Сейчас, правда, все совершают обряд по-новому, в ящиках хоронят. А раньше пылали костры в лесотундре. Особенно когда мор или голод. Снег таял в лесах от жарких погребальных костров!

Кэвэв рассказывал с увлечением, но вместо почтительного интереса ловил в глазах слушателей ужас.

— Красиво было... — задумчиво закончил свой рассказ Кэвэв и взял сигарету, предложенную Петровым.

Он наблюдал, как геологи готовили ночлег, разбивали палатки, расстилали внутри оленьи шкуры и спальные мешки.

— Тут будете спать? — спросил он Петрова.

— Где же нам еще? — весело ответил геолог. — Приглашаю вас в свою палатку.

Палатка начальника партии стояла у самого огня.

Кэвэв не стал влезать внутрь спального мешка. Он улегся поверх и закурил свою трубочку.

Мысли мешались в голове. Он искал в душе обиду и досаду на этих ребят — и не находил. Да и думал он сейчас о другом. Он догадался, что группа Петрова из тех, что будут строить новую автомобильную дорогу через всю лесотундру на новые прииски. О них часто говорили по радио.

Наутро старик поднялся раньше всех. Легкий ветер шевелил невесомый белый пепел на кострище. Чайник и ведро стояли холодные.

Поколебавшись с минуту, Кэвэв взял топор, вынул из оставшейся поленницы чурку и принялся настругивать растопку.

Когда занялся огонь и затрещали дрова, изыскатели начали просыпаться.

Из палатки вышел Петров, увидел Кэвэва, хотел что-то сказать, но промолчал.

А старик тем временем подвесил чайник, натопил снеговой воды для утренней каши.

— Ребята, подъем! — скомандовал Петров.

Изыскатели выходили из палаток и радовались большому жаркому костру. Кэвэв охапками носил дрова, валил в огонь и с какой-то отчаянной веселостью покрикивал:

— Давай! Давай! Огонь, гори! Вари кашу, вари чай!

После завтрака изыскатели принялись рубить дрова. Старик работал вместе с ними, носил расколотые чурки к поленнице и аккуратно укладывал их.

— Морозом быстро их высушит, — говорил он. — К весне как раз будут годны.

— Да ты что! — Петров даже остановился. — Не собираешься же ты весной помирать!

— Не собираюсь, — деловито ответил Кэвэв. — Зачем собираться! Пенсия теперь у меня хорошая, живу со старухой. А дрова пусть все-таки про запас будут.

К полудню, когда изыскателям надо было отправляться дальше, весь дровяной запас старика был восстановлен.

Тепло попрощались и погрузились на вездеход. Кэвэв долго смотрел ему вслед. В селение возвращаться не хотелось. Кэвэв решил заглянуть в свою охотничью избушку.

Избушка так была скрыта среди деревьев, что ее мог отыскать разве лишь сам хозяин. Дверь занесло снегом, и пришлось порядочно поработать, чтобы откопать вход.

Приведя в порядок домик, Кэвэв остался проверить старые пасти и ловушки, поставленные на пушного зверя.

На третий день он почувствовал, что достаточно силен и бодр, чтобы провести в тайге еще один охотничий сезон.

К концу недели он услышал урчание вездехода и направился на его звук. Кэвэв ожидал увидеть Петрова, но это были другие люди. Они стали лагерем там же и снова жгли его священные дрова.

— Здравствуй, дед, — поздоровался обросший до самых ушей золотистой бородой парень.

Он выпростал из рукавиц большую ладонь и подал старику.

— Твои дрова?

— Мои, — кивнул Кэвэв, но не стал рассказывать, для чего они предназначены.

— Не волнуйся, мы заплатим, — сказал бородатый.

Утром старик принялся восстанавливать поленницу. К вечеру, закончив работу, он услышал знакомый звук вездехода.

Молодая девушка, оказавшаяся, на удивление, старшей в этой группе, весело захлопала в большие рукавицы и крикнула своим спутникам:

— Глядите! Добрый дед-мороз приготовил нам дрова! Айда варить кашу и кипятить чай!

Кэвэв молча, вместе со всеми носил дрова к костру, пил чай и улыбался на благодарные слова.

Теперь старику потребовалось два дня, чтобы восстановить запасы дров.

Потом пришли еще две группы, которые тоже пришлось обогреть.

А тем временем по таежным партиям большой комплексной экспедиции пошел слух о чудном старике, который готовил дрова для проходящих групп, щедро делился огнем с замерзшими путниками.

Эти слухи дошли до Петрова, и он навестил старика.

— Здравствуй, Кэвэв! — сказал изыскатель, вылезая из кабины вездехода.

— Здравствуй, Петров, — ответил старик.

Он похудел, но выглядел бодрым и здоровым.

— Как твои запасы дров?

— Держу наготове, — коротко ответил Кэвэв.

— Слышал я, что делишься священными дровами с моими людьми?

— Пусть греются, — тихо сказал Кэвэв. — Мне приятно.

— Но тебе же нужно иметь свой запас?

— Живым людям нужнее.

— Смотри, Кэвэв, — задумчиво произнес Петров. — Хочешь, оформим тебя на работу?

— Разве это главное?

— Главное не главное, а порядок нужен. Будешь у нас хранителем огня.

— Хорошо, — согласился Кэвэв.

Так и живет до сих пор на границе тундры и леса старый керек Кэвэв. Дрова у него всегда есть, и любой путник — будь то изыскатель, геолог, охотник — знает, что в этом квадрате обширной коряжской тундры они всегда найдут тепло священных дров, костер жизни.